

DOI: 10.31857/S032103910016305-8

МАСКИ СВЯЩЕННЫХ СОКОЛОВ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЦАРЯ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО СОБРАНИЯ ГМИИ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

И. А. Ладынин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

Статья посвящена публикации и интерпретации группы памятников из египетского собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина (ГМИИ I.1a.5001, 4688, 4687, 4689, 4691, 4690–5005). Памятники представляют собой гипсовые маски, помещавшиеся на мумии священных соколов и изображавшие египетского царя. Аналогии им неизвестны. Проведенный анализ показал, что данные изображения соответствуют стандарту царской иконографии, принятому в IV–III вв. до н.э. и со значительной уверенностью могут быть атрибутированы Птолемею II Филадельфу (282–246 гг. до н.э.). Маски происходят из коллекции В.С. Голенищева, их происхождение и обстоятельства приобретения неизвестны, однако можно допустить, что они происходят из некрополя священных соколов в Северной Саккара, где бытовали в царствование Птолемея II, будучи призваны подчеркивать присутствие в нем божества и его сакральную легитимность.

Ключевые слова: древний Египет, ГМИИ имени А.С. Пушкина, В.С. Голенищев, маски, соколы, мумии, царь, иконография, Птолемей II, царский культ

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин — доктор исторических наук, доцент, руководитель научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369-П в МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

Автор глубоко благодарен зав. Отделом древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина О.А. Васильевой за возможность работы с памятниками египетского собрания ГМИИ и подробное обсуждение их интерпретации.

THE MASKS OF SACRED FALCONS WITH THE IMAGE OF A KING IN THE EGYPTIAN COLLECTION OF THE A.S. PUSHKIN MUSEUM OF FINE ARTS

Ivan A. Ladynin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 19-18-00369-П

The article contains a publication and a tentative interpretation of a group of artifacts from the Egyptian collection of the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow (ГМИИ I.1a.5001, 4688, 4687, 4689, 4691, 4690–5005). The artifacts are masks placed on the mummies of sacred falcons and representing an Egyptian king. No analogies to them are known. The analysis shows that the masks' images correspond to the standard of royal iconography used in the fourth and the third centuries B.C. and that they can be identified with sufficient certainty with Ptolemy II Philadelphus (282–246 B.C.). The masks belonged initially to the collection of Vladimir Golenischev. Their provenance and the circumstances of their acquisition are unknown but it is possible to suggest that they originate from the necropolis of sacred falcons at North Saqqara. They might have been in use there in the reign of Ptolemy II, and intended to stress the incorporation of divinity in the king and his sacral legitimacy.

Keywords: Ancient Egypt, A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts, Vladimir Golenischev, masks, falcons, mummies, kingship, iconography, Ptolemy II, royal cult

В египетском собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина хранится шесть скульптурных изображений царя, которые, как представляется, необходимо воспринимать как единую группу. В известном каталоге скульптуры древнего Египта в собрании ГМИИ эти памятники получили одинаковое определение «Лицо царской статуэтки», причем в связи с первым из них авторы каталога О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш сделали следующее замечание: «Этот и последующие памятники... можно было бы отнести к разряду “Модели”... однако черты лица в этих произведениях слишком индивидуальны»¹. Вместе с тем эти же авторы относят к категории скульптурных моделей «и пробы скульптора, и упражнения учеников на разных стадиях работы, и заготовки, которые еще не начали переводить в готовую форму, и вещи уже почти готовые, ожидающие отделки, и слепки лиц статуи для “тиража” (последнее, конечно, касается царских статуй)»². Такое определение не противоречит тому, что модели изображений конкретных царей могли (собственно, должны были) быть индивидуализирующими по своей иконографии, не говоря о том, что само понятие индивидуальности и портретности в искусстве древнего

¹ Berlev, Hodgeash 2004, 400.

² Berlev, Hodgeash 2004, 423; см. также Liepsner 1982.

Египта, в особенности в изображении царей, предполагает важные оговорки³. Кроме того, некоторые отнесенные к скульптурным моделям памятники собрания ГМИИ (I.1a. 4118⁴, I.1a. 4127⁵, I.1a.4126⁶) можно с учетом указанных оговорок безусловно признать индивидуализирующими; что же касается памятников интересующей нас группы, то стоит, забегаая вперед, сказать, что, на наш взгляд, они принадлежат к этапу развития царской иконографии, на котором индивидуальные черты намечались чрезвычайно слабо в рамках прочно установившегося и воспроизводившегося изобразительного стандарта. Однако важнейшим препятствием к тому, чтобы отнести данные памятники как к портретной скульптуре в собственном смысле слова, так и к категории скульптурных моделей служит то, что они изготовлены из тонкого слоя гипса и являются полыми внутри; соответственно, они представляют собой маски, использовавшиеся в ритуальной практике. Как мы увидим далее, это находит подтверждение и в описании данных памятников, сделанном при их передаче в собрание музея, и в особенностях некоторых из них (см. далее о вероятном наличии на (2) и (5) бальзамирующего вещества). По-видимому, в рамках каталога их отнес к портретной скульптуре О.Д. Берлев, который был основным интерпретатором учтенных в этом издании памятников, однако работал с ними только по предоставленным ему С.И. Ходжаш фотографиям и не вполне представлял себе их реальный вид, помимо иконографии изображений.

Авторы каталога отнесли все эти памятники ко времени Птолемеев (см. более конкретные отсылки к публикации далее), и, как мы увидим, такая их датировка не вызывает сомнений. Все они были переданы в собрание ГМИИ (тогда — Музея изящных искусств имени императора Александра III) в составе коллекции В.С. Голенищева⁷, и, как и в случае едва ли не с большинством относящихся

³ Дж. Джозефсон в своем исследовании царской скульптуры IV—III вв. до н.э. справедливо указывает, что понятие «портрет» применительно к древнеегипетской традиции предполагает не «точное или фотографическое подобие» (“an exact or photographic likeness”), а лишь «образ, отличимый в смысле отображения в нем конкретного лица, независимо от стиля» (“an image recognizable as that of a specific individual, regardless of style”), а «натуралистическими» или «реалистичными» (“naturalistic” or “realistic”) приходится называть такие черты, «которые носят отличительный характер и отходят от идеализированных моделей» (“feature or features that are distinctive and that differ from idealized patterns”): Josephson 1997, 3—4. Пожалуй, еще более жестко суждение Р.С. Бианки, согласно которому портреты царей дома Птолемеев вообще не являются портретами в современном понимании, а представляют собой «клише, служившие идеологическими декларациями, создававшиеся скульпторами, лишенными творческой свободы, которые работали по предустановленным образцам под четким надзором царских чиновников»: Bianchi 2018, 141. См. также в отечественной литературе Pavlov 1957; новейшая полезная сводка суждений по проблеме египетского портрета: Scafici 2021, 51—59 (мы благодарны автору этой книги за предоставление заинтересовавшей нас ее главы).

⁴ Berlev, Hodjash 2004, 426 (№ 150).

⁵ Berlev, Hodjash 2004, 427 (№ 151).

⁶ Berlev, Hodjash 2004, 429 (№ 153).

⁷ См. в целом Demskaya *et al.* 1987.

Рис. 1. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.5001). 1 — вид спереди; 2 — вид с правой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

к ней предметов, их происхождение и точные обстоятельства их приобретения выдающимся египтологом остаются неизвестны. Отметим, что однотипность рассматриваемых памятников подчеркивается их чрезвычайно близкими размерами.

В рамках данной группы изображений можно выделить две подгруппы, различающиеся качеством и отчасти сохранностью памятников. К первой из них относятся три маски с особенно высоким качеством проработки деталей лица царя: в машинописном инвентаре, составленном при передаче коллекции В.С. Голенищева в Музей изящных искусств, они получили одинаковое описание «Картонаж в виде лица фараона, с ястребиной мумии»⁸.

(1) ГМИИ I.1a.5001 (ИГ 2229)⁹. Высота 7,8 см, ширина 5,3 см, толщина 2 см. Рис. 1, 1–3.

Изображение царя в платке-немесе¹⁰ с краем и полосами, прочерченными коричневой с красноватым оттенком краской. За исключением линий краски гипс светлый, как с внешней, так и с внутренней стороны. Волосы полностью закрыты платком, на челе окрашенный той же краской не очень большой урей с двумя симметричными кольцами змеи¹¹. Глаза миндалевидной формы, с веками, намеченными сравнительно широкой линией краски того же цвета, внешний угол глаза удлинён косметической линией на висок (справа; слева внешняя сторона глаза не сохранилась); сохранились слабые следы такой же краски, обозначавшей большие зрачки. Линия бровей намечена той же краской, практически прямая, со скруглением с внешней стороны глаз; кончик носа не

⁸ ИГ. Л. 46. Нет сомнений, что в описаниях инвентаря коллекции В.С. Голенищева имеются в виду именно священные соколы.

⁹ Berlev, Hodjash 2004, 400 (№ 129).

¹⁰ См. Collier 1996, 69–78.

¹¹ См. о типологии колец змеи на урее Josephson 1997, 4.

Рис. 2. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4688). 1 — вид спереди; 2 — вид с правой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

сохранился. Нос с широкими крыльями, с прямой переносицей и подъемом спинки носа ниже, без горбинок. Губы широкие, пухлые, нижняя губа больше верхней, можно сказать, что на изображении намечена улыбка. Уши большие, овальной формы. Лицо овальной формы; его левая часть не сохранилась полностью, но правая часть позволяет отметить округлость щек. Подбородок имеет небольшое продолжение вниз со сколом, показывающим, что он должен был завершаться бородакой.

(2) ГМИИ I.1a.4688 (ИГ 2228)¹². Высота 7 см, ширина 4,6 см, толщина 3,5 см. Рис. 2, 1–3.

Изображение царя в платке-немесе, полностью закрывающем волосы, боковые части которого не сохранились. Справа сохранилась нижняя часть уха, слева — конец немеса, спускавшийся на плечо. Гипс темный с обеих сторон, по-видимому, вследствие химической реакции с бальзамирующими веществами; с внутренней стороны сохранились подтверждающие назначение памятника фрагменты бинтов, прилипшие к поверхности гипса из-за бальзамирующих веществ. Фактура немеса показана полосами коричневой с красноватым оттенком краски, перемежающимися светлыми (видимо, первоначального естественного цвета гипса) и темными полосами. Край немеса над лбом обозначен двумя параллельными углублениями. Глаза и брови намечены темной краской, в глазах ею же обозначены большие зрачки, внешние углы глаз удлинены плохо заметной косметической линией на висок. Урей, форма глаз, бровей, носа, трактовка век аналогичны (1); форма губ и носа в целом аналогична, но нижняя губа показана меньшего размера, а нос кажется приплюснутым. Лицо овальной формы, с округлыми щеками. На подбородке скол, показывающий, что он должен был завершаться бородакой.

¹² Berlev, Hodjash 2004, 404 (№ 133).

Рис. 3. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4687). 1 — вид спереди; 2 — вид с левой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

(3) ГМИИ I.1a.4687 (ИГ 2227)¹³. Высота 8 см, ширина 4,4 см, толщина 4 см. Рис. 3, 1–3.

Изображение царя в платке-*немесе*, полностью закрывающем волосы, боковые части которого и уши царя не сохранились. Гипс темный с обеих сторон, по-видимому, из-за копоти (более темного оттенка, чем у (2)). Фактура *немеса* показана темными линиями, его край — двумя линиями со слабым углублением, аналогично (2). Урей, как и на (1) и (2) небольшой, с двумя симметричными кольцами змеи, которые, в отличие от (1) и (2), где они чуть вытянуты в овал, в данном случае практически круглые. Как и на (2), брови и веки намечены темными линиями, показаны зрачки; в отличие от (1) и (2) брови скругляются не только с внешней стороны глаз, но и к носу, в линии которого смыкаются. Форма глаз, век и рта аналогична (2); переносица выдается сильнее, чем на (1) и (2), но подъем спинки носа ниже нее все равно заметен; спинка носа с небольшой горбинкой. Лицо овальной формы, щеки округлые. На подбородке скол, показывающий, что он должен был завершаться бородкой.

Как представляется, иконографические различия между рассмотренными памятниками крайне невелики, и это позволяет заключить, что они изображают одного и того же царя. При этом если в (1) детали лица передаются прежде всего при помощи краски, то в (2) и (3) для этой цели используется и пластика, причем в (2) — особенно успешно (пожалуй, эту маску можно назвать наиболее совершенной в художественном отношении в нашей группе). Два других изображения иного качества: детали лица на них заметны слабее (скорее не из-за порчи, а в силу изначальных особенностей памятников, возможно, вследствие того, что изображения были получены оттиском на гипсе матрицы худшего качества). Примечательно, что в коллекции Голенищева они, по-видимому, хранились в ящике

¹³ Berlev, Hodjash 2004, 405 (№ 134).

Рис. 4. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4689). 1 — вид спереди; 2 — вид с правой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

с неклассифицированными предметами меньшей ценности¹⁴ и при составлении инвентаря в ходе передачи коллекции в музей были описаны не в машинописной, а в дополнительной рукописной ее части, получив следующую характеристику: «Головы фараона Осириса с мумий кобчиков»¹⁵.

(4) ГМИИ I.1a.4689 (ИГ 5923; именно в связи с этим памятником публикаторы отметили, что «лицо напоминает черты Птолемея II», правда, не верифицировав это аналогиями)¹⁶. Высота 7,1 см, ширина 5 см, толщина 4,8 см. Рис. 4, 1–3.

Изображение царя в платке-*немесе*, полностью закрывающем волосы, фактура которого намечена плохо сохранившимися линиями краски. Гипс светлый с обеих сторон. Верхняя правая часть памятника повреждена, от урея сохранилось только правое кольцо змеи, позволяющее заключить, что он должен был быть аналогичен (1) и (2). О чертах лица трудно судить вполне определенно, однако форма носа аналогична (1), форма бровей со скруглением в обе стороны — (3), форма рта — (2) и (3). Левое ухо большое, овальной формы, как на (1). Лицо и щеки округлые, подбородок завершается бородкой, конец которой загнут вперед.

(5) ГМИИ I.1a.4691 (ИГ 5924)¹⁷. Высота 7,1 см, ширина 5,8 см, толщина 3,5 см. Рис. 5, 1–3.

Изображение царя в платке-*немесе*, полностью закрывающем волосы, фактура которого, возможно, была намечена темными линиями; сейчас более или менее заметна лишь линия, обозначающая край *немеса*. Гипс темный с обеих сторон, по-видимому, из-за копоти; с внутренней стороны, как на (2), фрагменты

¹⁴ См. упоминания в письмах Голенищева И. В. Цветаеву от 13 августа 1909 г. и 1 октября 1911 г.: Demskaya et al. 1987, 95 («ящик с гипсами, которые я считал давно пропавшими»), 103.

¹⁵ ИГ. Л. 119.

¹⁶ Berlev, Hodjash 2004, 401 (№ 130).

¹⁷ Berlev, Hodjash 2004, 402 (№ 131).

Рис. 5. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4691). 1 — вид спереди; 2 — вид с правой стороны; 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

бальзамировочных бинтов, прилипшие к поверхности гипса из-за бальзамирующих веществ. В темени отверстие, возможно, для крепления короны. Урея и бородки, а также указывающего на ее наличие скола нет. Глаза и брови были намечены темными линиями, сохранившимися слабо; заметны обозначенные в глазах зрачки. Брови, по-видимому, имели, как на (3) и (4), скругление в обе стороны; однако форма носа аналогична (1) и (4), форма рта — (2)—(4). Правое ухо, как и другие детали лица, проработано слабо, однако по форме аналогично (1) и (4); левое ухо не сохранилось. Лицо более округлой формы, округлость щек выражена сильнее, чем на других памятниках группы.

Как представляется, в связи с (4) и (5) не возникает сомнений, что эти памятники, несмотря на более слабую проработку черт лица, изображают того же царя, что и (1)—(3). Кроме того, нам кажется возможным, что к этим пяти маскам близок еще один, на первый взгляд, сильно отличающийся от них внешне памятник (в инвентаре коллекции В.С. Голенищева получил, как и (1)—(3), описание «Картонаж в виде лица фараона, с ястребиной мумии»¹⁸).

(6) ГМИИ I.1a.4690 (ИГ 2226)¹⁹. Высота 7 см, ширина 3,5 см, толщина 2 см. Рис. 6, 1—3.

Изображение, принадлежность которого царю устанавливается по наличию остатков урея (левого кольца овальной формы; видимо, урей был аналогичен (1), (2) и (4)). На голове не видно трактовки волос, что показывает, что она должна была быть перекрыта гладким головным убором, вероятнее всего, платком-*немесом*, закрывающим волосы (его фактура не показана или не сохранилась). Гипс светлый с обеих сторон. Боковые части памятника с ушами не сохранились. Форма бровей, образующих прямую линию со скруглением с внешней стороны глаз

¹⁸ См. выше прим. 8.

¹⁹ Berlev, Hodjash 2004, 403 (№ 132).

Рис. 6. Маска священного сокола, изображающая царя (ГМИИ I.1a.4690). 1 — вид спереди (вместе с фрагментом ГМИИ I.1a.5005); 2 — вид с правой стороны (вместе с фрагментом ГМИИ I.1a.5005); 3 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

и продолжением на висок, аналогична (1) и (2), форма рта — (2)—(5). Кончик носа не сохранился; подъем спинки носа по сравнению с переносицей выражен слабо (переносица не прямая, а также поднимающаяся), но все же заметен. Главная особенность памятника — хорошо заметная, благодаря светлому цвету гипса, проработка очертаний бровей и глаз памятника линиями черной и коричневой краски: миндалевидность глаз по сравнению с (1)—(3) почти не выражена, они практически симметричной формы, большие, с обозначенным большим кружком зрачком и косметической линией от внешних углов на виски, как на (1)—(3). Форма лица овальная, щеки округлые, следов бородки нет.

(6а) ГМИИ I.1a.5005 (в ИГ отсутствует, в каталоге скульптуры ГМИИ не учитывается). Длина 4,7 см, ширина 2,6 см, толщина 0,8 см. Рис. 7, 1—2.

Фрагмент правой стороны (6) с ухом и завершением линий правой брови и удлинения правого глаза. Ухо овальной формы, аналогичной (1) и (4)—(5).

Главные отличия (6—6а) от (1)—(5) — хорошо заметная проработка глаз и бровей краской, иная форма глаз и отчасти носа. Существенно, однако, большое сходство с (1)—(2) и (5) в трактовке бровей, а также сходство общих очертаний лица с остальными памятниками этой группы. При этом само использование краски вообще не отличает этот памятник от других; повторим, что на нем оно бросается в глаза прежде всего за счет контраста с основным цветом гипса. Не настаиваем на таком выводе, но, по нашему мнению, стоит считаться с возможностью того, что он изображает того же царя, что и остальные пять масок.

Разумеется, главная проблема, возникающая в связи с этой группой скульптурных моделей, — атрибуция их изображений конкретному царю. Как уже было сказано, О.Д. Берлев и С.И. Ходжаш предложили их общую датировку временем Птолемеев, причем применительно к (4) эта датировка была конкретизирована

Рис. 7. Фрагмент правой стороны маски священного сокола, изображающей царя (ГМИИ I.1a.5005). 1 — вид спереди; 2 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

сходством памятника с чертами Птолемея II Филадельфа (282–246 гг. до н.э.)²⁰. Возможно, констатация этого сходства восходит опять же к суждению О.Д. Берлева, основанному на общем знании памятников (в частности, по используемым и нами труду Х. Кириелейса по птолемеевской иконографии и каталогу египетской скульптуры Б. Ботмера, которые учтены в библиографии его каталога²¹). Вместе с тем очевидно, что для придания ему полного веса (собственно, для его верификации) было бы желательно подтвердить его аналогиями и вообще оценить в контексте той эволюции, которую древнеегипетская царская скульптура проходила в конце Позднего и в начале эллинистического времени.

Прежде всего следует отметить, что данные памятники в целом соответствуют тому стандарту египетских царских изображений, который появился в IV в. до н.э., возможно, при XXIX династии²², окончательно сложился при царях XXX династии и далее сохранялся на протяжении III в. до н.э. («группа А» в типологии египетских изображений Птолемея П.Э. Стэнвика²³). Характерной чертой этого стандарта оказывается высокая степень деиндивидуализации царских изображений, их сведение к схеме, включающей «треугольник» из прямой линии бровей и основания носа, миндалевидные, слегка опущенные к носу

²⁰ Здесь и далее мы указываем датировки по Ladynin 2013a (для IV в. до н.э.) и Hölbl 2001 (для времени Птолемея).

²¹ Berlev, Hodge 2004, 552, 557.

²² Вопрос о том, следует ли атрибутировать ее представителю Акорику (392/391–379/378 гг. до н.э.) скульптурную голову Cairo CG 838, спорен: Josephson 1997, 3, 18, 28.

²³ Stanwick 2002, 66–69.

глаза, сравнительно широкие нос и рот с обозначенной на нем улыбкой. Выявляя эти черты на примере портрета Нектанеба I (379/378–361/360 гг. до н.э.) из Баклии (Mansoura 25), Дж. Джозефсон приводит в качестве наиболее показательной более ранней аналогии этому типу изображений портрет Априя (XXVI династия, 589–570 гг. до н.э.; Bologna, Museo Civico 1801)²⁴, однако очевидно, что его истоки нельзя сводить к единичному памятнику²⁵.

В эпоху Птолемеев соблюдение данного стандарта предполагало лишь некоторые отступления в сторону появления отдельных индивидуальных черт правителей²⁶. Так, в портретах, предположительно атрибутируемых Птолемеем I Сотеру, можно отметить такие отходящие от идеализированного образа черты, как более реалистичная трактовка рта и подбородка, возможное греческое влияние в трактовке ушей (Канзас Сити, Nelson-Atkins Museum of Art 34.141)²⁷, показ широкого основания и небольшой горбинки носа и полной нижней губы (Brooklyn 53.75)²⁸. Критерии для атрибуции египетских памятников Птолемеем II Филадельфу задают его надписанные скульптурные изображения – статуя из Ватикана, парная хранящейся там же статуе Арсиной II (Museo Gregoriano Egizio 22681) (Рис. 8)²⁹, и фрагмент статуи из Страсбурга (Université de Strasbourg 1585) (Рис. 9)³⁰. Ватиканская статуя очень близка к стандарту царских изображений IV в. до н.э.: от него ее отличают более широкие, хотя миндалевидные по форме глаза, и более широкое и полное лицо с живым выражением. На страсбургском портрете сильнее акцентирована полнота лица, нарушаются миндалевидная форма глаз (нижние веки сильно спрямлены) и типичный

²⁴ Josephson 1997, 5, fig. 2 (суммирующая этот изобразительный стандарт схема П. Дер Мануэляна), 6–7, pl. 2a (Mansoura 25), 2b (Bologna, Museo Civico 1801).

²⁵ Ср. с более обобщенной характеристикой этого же стандарта П.Э. Стэнвиком с более подробной отсылкой к скульптуре Нектанеба I: Stanwick 2002, 66; 216, fig. 201, a (стоящая статуя Cairo JE 87298), 201, b (скульптурная голова Louvre E27124), 201, c (сфинкс Louvre A 29).

²⁶ Необычный пример отступления от этого стандарта – статуя розового гранита, атрибутированная Александру Великому и отнесенная к началу эллинизма, с выраженными индивидуальными чертами и таким симптомом греческого влияния, как выбивающиеся из-под *немеса* вьющиеся волосы (Франкфурт-на-Майне, Liebighaus, St.P. 565). Принципиально важные для нас исследования Дж. Джозефсона и П.Э. Стэнвика не учитывают этот памятник, поскольку он был введен в оборот, когда они были уже завершены (Bol 2001; cf. Beck *et al.* 2005, 563–564 (Kat.-Nr. 134); Seipel 2015, 146–147 (Kat.-Nr. II.1)). При этом довольно очевидной аналогией этому памятнику можно считать статую Августа (Cairo CG 730), происходящую, возможно, из Карнака и в свое время атрибутированную Александру (IV), сыну Александра Великого и Роксаны (PM II² 283): Stanwick 2002, 61, 88, 213 (fig. 194–196). Данная аналогия столь показательна, что стоит либо усомниться в предложенной публикатором атрибуции и/или датировке памятника (см., например, Schäfer 2007, 55), или (на наш взгляд, с меньшей вероятностью) допустить, что необходимость изобразить великого завоевателя могла вызвать резкий и единичный разрыв с преобладавшим в этот период стандартом.

²⁷ Josephson 1997, 42–43, pl. 13a.

²⁸ Josephson 1997, 43, pl. 13b.

²⁹ Stanwick 2002, 66, 98, 175, fig. 2–3 (no. A3).

³⁰ Bothmer 1969, 121–121 (cat. no. 96), pl. 90; Stanwick 2002, 99, 158, fig. 6 (no. A5).

Рис. 8. Статуя Птолемея II (Museo Gregoriano Egizio 22681): лицо. *Museo Gregoriano Egizio—Vatican Museums. Wikimedia Commons*

Рис. 9. Фрагмент статуи Птолемея II (Université de Strasbourg 1585; по: Bothmer 1969, pl. 90, fig. 241)

для IV в. до н.э. «треугольник» (брови скруглены не только к внешней стороне глаз, но и к основанию носа)³¹. При этом П.Э. Стэнвик делает важное наблюдение о резком расхождении между египетскими царскими изображениями Птолемея II и его портретами греческой стилистики (на примере бюста Louvre Ma 3261) и изображениями на монетах³²: по сути дела, это наблюдение позволяет констатировать слабую применимость критериев «греческой» иконографии этого царя для атрибуции его египетских изображений.

Возвращаясь теперь к памятникам рассмотренной нами группы, отметим, что как очертания лица царя на них, так и расхождения между ними в принципе соответствуют тому, что наблюдается в упомянутых надписанных изображениях Птолемея II: стоит специально отметить овальную форму достаточно полного лица на всех изученных памятниках, а также скругление бровей в обе стороны на (3)—(5), аналогично страсбургскому портрету. Особенно выгоден для подбора более конкретных аналогий памятник (1), с его четкой проработкой деталей лица. Яркие аналогии ему представляют, на наш взгляд, атрибутируемые Птолемею II скульптурные головы Walters Art Museum 22109 (рис. 10)³³ и Turin Cat. 1399 (рис. 11)³⁴; обратим внимание, что на последнем памятнике заметно косметическое удлинение внешнего угла глаза на висок, и его же мы видим на фрагменте статуи ВМ ЕА 941, который также считается изображением Птолемея II³⁵. На (1) эта деталь более утрирована, однако

³¹ Josephson 1997, 43—44.

³² Stanwick 2002, 56, 226, fig. 246—247 (Louvre Ma 3261); 221, fig. 214 (золотая октодрахма).

³³ Josephson 1997, 25; Stanwick 2002, 102, 163, fig. 22 (no. A25).

³⁴ Josephson 1997, 25, pl. 8, d; Stanwick 2002, 101—102, 161, fig. 14 (no. A20).

³⁵ Stanwick 2002, 102, 162, fig. 18—19 (no. A23); Walker, Higgs 2001, 42—43 (cat. no. 5); ср. с атрибуцией Нектанебу II: Josephson 1997, 30.

Рис. 10. Голова царя, атрибутируемая Птолемею II (Walters Art Museum 22.109). *The Walters Art Museum* (URL: <https://art.thewalters.org/detail/12551/head-of-ptolemy-ii/>; дата обращения: 11.02.2023)

Рис. 11. Голова царя, атрибутируемая Птолемею II (Turin Cat. 1399). *Museo Egizio Collezione* (URL: https://collezioni.museoegizio.it/it-IT/material/Cat_1399; дата обращения: 11.02.2023)

это может считаться достаточно закономерным следствием того, что она выполнена краской. Любопытны особенности носа на (2) и (3). Изображения Птолемея II на монетах показывают, что кончик носа у него свисал и на нем имелась небольшая горбинка (рис. 12)³⁶: последнюю черту мы и видим на (3), однако первую в рамках изобразительного стандарта, принятого в наших памятниках, отобразить адекватно было невозможно, и приплюснутость носа на (2) может представлять собой попытку все же ее передать. То, что в данных случаях в изображениях в рамках принятого стандарта проявляются индивидуальные черты царя, не удивляет, учитывая высокое качество (2) и (3). Таким образом, на наш взгляд, данную группу масок — во всяком случае, (1)—(5) — можно считать изображениями Птолемея II Филадельфа, причем следует специально отметить, что небольшие размеры и специфическое назначение этих памятников, в общем, не препятствуют их атрибуции конкретному правителю.

Достаточно уверенное решение вопроса об атрибуции этих изображений порождает еще одну проблему в связи с их назначением. Как видно, прямые сообщения инвентаря коллекции В.С. Голенищева, восходящие к сведениям ее прежнего владельца и, несомненно, к обстоятельствам приобретения этих памятников, указывают на их использование в качестве масок мумий священных соколов. Известно, что в атрибуциях памятников своей коллекции Голенищев нередко ориентировался на сведения торговцев, у которых их покупал, притом что эти сведения могли быть неточны; однако квалификация изображений царя именно как масок мумий священных соколов для случайной ошибки была бы, пожалуй, слишком причудлива, а в качестве сознательного вымысла едва ли могла как-то поднять стоимость памятника. Вполне соответствует

³⁶ Kyrieleis 1975, 17, Taf. 8, 1–2.

использованию этих масок на мумиях и наличие следов бальзамирующего вещества и бинтов на (2) и (5). Вместе с тем, как мы видели, маски второй подгруппы описаны в инвентаре как якобы изображения «фараона Осириса», помещенные на головы «кобчиков». В принципе можно понять, что именно побудило Голенищева и/или составителей инвентаря его коллекции счесть эти маски изображениями не просто царя, а его воплощения в Осирисе: как упоминалось, на (4) сохранилась борода, конец которой загнут вперед, что в принципе соответствует форме бороды бога (в т.ч. Осириса), а не царя, причем с такой бородой могли изображаться и усопшие цари³⁷. Стоит, правда, обратить внимание на небольшую статую Амасиса в собрании Национального музея в Копенгагене (инв. 3603), изображающую его в двойной короне и явно с загнутой вперед бородкой³⁸:

Рис. 12: Золотая октодрахма с изображениями Птолемея II и Арсинои II (American Numismatic Society 1956.183.28), аверс. *Ptolemaic Coins Online* (URL: <http://numismatics.org/pco/>; дата обращения: 11.02.2023)

логично считать ее прижизненной, поскольку между смертью этого царя и завоеванием Египта Камбисом, после которого она заведомо не была бы изготовлена, прошло слишком мало времени, причем она сопоставляется опять же с иконографией статуй Осириса³⁹. Конечно, невозможно понять, на всех ли масках данной группы форма бородки была идентична (4), что вообще было бы логично. Однако, как мы видели, головной убор на масках ГМII — это *немес*, а не свойственные образу Осириса белая корона или корона-*атеш*⁴⁰. Кроме того, предположение о том, что эти маски изображают Осириса или конкретного царя в образе Осириса, заставило бы задуматься об их использовании не на мумиях соколов, а скорее на т.н. «зерновых мумиях» Осириса из смеси земли, песка, глины и т.п. с зерном, лица которых также закрывались масками⁴¹. Выяснить совершенно точно, связаны ли следы бальзамирования на наших памятниках с их использованием на реальных мумиях или же на «зерновых мумиях», при изготовлении которых тоже применялись бинты и бальзамирующие вещества⁴², позволило бы только технологическое исследование, которое пока не проводилось. По-видимому, решающим аргументом против допущения, что маски ГМII могли использоваться на «зерновых мумиях», является опять же их головной убор: «зерновые мумии», как

³⁷ Volokhine 2019, 64, fig. 2; 66 (мы благодарны автору за предоставление этой статьи).

³⁸ Myśliwiec 1988, pl. LXIV.

³⁹ Scott, Dodd 2002, 336–337, fig. 7.

⁴⁰ Griffiths 1982, 627–628; Collier 1996, 37–61. Изображения Осириса в *немесе* в принципе известны, однако это прежде всего царская регалия, а не его специфический атрибут как божества: Smith 2017, 111–112, 201.

⁴¹ Raven 1982; Centrone 2009.

⁴² Centrone 2009, 33.

и изображения Осириса, бывали увенчаны белой короной или короной-*атеф*⁴³, но не *немесом*. Кроме того, размеры масок ГМИИ достаточно хорошо соотносятся с реальными размерами мумий соколов (с учетом того, что указанная нами максимальная длина масок соответствует их размеру с бородкой и остатками *немеса*)⁴⁴. Наконец, в коллекции В.С. Голенищева имелось 11 масок священных соколов, выполненных в их собственном облике: соответствующая запись в рукописной части инвентаря коллекции Голенищева («5925. Головы и части голов кобчиков с мумий ястребов»)⁴⁵ непосредственно примыкает к описаниям (4) и (5); а некоторые из этих памятников схожи с рассмотренными нами по своей трактовке (например, ГМИИ I.1a.5010 – маска из светлого гипса с прорисовкой коричневой краской, ср. с (1); рис. 13). Думается, что рассмотренные нами памятники следует признать действительно масками мумий священных соколов, скорее всего, приобретенными Голенищевым в качестве единого комплекса (вполне вероятно, вместе с собственно «соколиными» масками, а возможно, и с мумиями соколов небольшого размера; см. выше наше прим. 43).

Нам неизвестны прямые аналогии этим памятникам, которые представляли бы собой маски мумий соколов с портретными изображениями царей из дома Птолемеев или иной египетской династии. В принципе известен ряд мумий священных птиц (не только соколов, но и ибисов) с масками в виде человеческого (в частности, детского) лица⁴⁶, однако эти маски не изображают царей. Вместе с тем обращают на себя внимание два металлических предмета, которые издатели памятников некрополя священных животных в Северной Саккара определяют как «протомы» (*protome*) составных статуй, изображавших царя. Одна из них (Cairo JE 91435) – погрудное бронзовое изображение царя с бородкой, изначально в головном уборе, возможно, увенчанного уреем; это изображение крепилось к телу статуи, изготовленному, очевидно, из другого материала. Шея этого изображения выдвинута вперед, наподобие шеи птицы-*ба*; на плечах намечена фактура крыльев сокола с оперением, а на его груди, под очертаниями скарабея с распростертыми крыльями и с головой сокола, увенчанной *немесом* и солнечным диском, находятся картуши с «солнечным» и личным именами царя Нектанеба II. Трактовка лица царя соответствует

⁴³ Centrone 2009, 1; см. также в целом материал данной книги.

⁴⁴ В общих работах о древнеегипетских мумиях птиц (например, Ikram 2012) мы не находим данных о длине мумий соколов, очевидно, по причине того, что она в принципе бывает разной и плохо поддается усреднению. В собрании ГМИИ имени А.С. Пушкина находятся две мумии соколов небольшого размера – ГМИИ I.1a.7621 (общая длина 21,5 см, длина лица 4,8 см) и ГМИИ I.1a.7144 (общая длина 25,5 см, длина лица 5 см; мы благодарны О.А. Васильевой за предоставление этих сведений). По публикациям нам известны мумии соколов больших размеров – например MMA 90.6.107 (общая длина 37,5 см, длина лица по промеру по фотографии ок. 5,9 см; ок. 400 г. до н.э. – 100 г.н.э.; URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/547744>; дата обращения: 29.01.2023) и Manchester Inv. 11293 (общая длина 36,8 см, длина лица по промеру по фотографии ок. 4,2 см; Ikram 2007, 277, Abb. 488). Однако во всех этих случаях мы имеем дело с размерами лиц мумий, которые, как представляется, могли бы быть перекрыты рассмотренными нами масками.

⁴⁵ ИГ. Л. 119.

⁴⁶ Diener 1973.

Рис. 13: Фрагмент маски с мумии священного сокола (ГМИИ I.1a.5010). 1 — вид спереди; 2 — вид сзади © ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва

охарактеризованному выше изобразительному стандарту IV—III вв. до н.э.⁴⁷ Кроме того, в этом же храмовом комплексе было найдено аналогичное, меньших размеров изображение, изготовленное из серебра⁴⁸. Насколько нам известно, данные памятники не получали подробной интерпретации: их очевидной аналогией являются «соколиные статуи» времени Нового царства, изображавшие царей в оперении, т.е. в отождествлении с соколом-Хором⁴⁹, однако в царствование Нектанеба II их «идеологический контекст» задают, безусловно, знаменитые изображения «соколов-Нектанебов» (скульптурных групп, представлявших этого царя стоящим перед превышающим его по размерам соколом-Хором)⁵⁰.

Концептуальный смысл всех этих изображений достаточно очевиден. Воплощение в царе бога Хора, чтившегося в обличье сокола, было неизменным топосом древнеегипетской идеологии и, насколько можно судить, с V—IV вв. до н.э. стало определяющим для признания наличия сакральности в конкретном правителе (его «деривативной сакральности», согласно предложенному нами термину)⁵¹. По крайней мере с IV в. до н.э. мы с уверенностью можем констатировать переосмысление образа данного божества в рамках данного топоса: теперь это не самостоятельное солнечное божество, а Хор, сын Осириса и Исида, что проявляется как в надписях на статуях «соколов-Нектанебов»⁵², так и в царской титулатуре, начиная с Александра (IV), сына

⁴⁷ Davies, Smith 2005, 91–92, pl. XLII (FCO-170). Мы благодарны А.А. Ильину-Томичу, обратившему наше внимание на этот и следующий памятники.

⁴⁸ Davies, Smith 2005, 123–124, fig. 24 (FCO-472).

⁴⁹ Bolshakov 2000, 81–86.

⁵⁰ Ladynin 2009; Gorre 2009a; см. также вновь открытые фрагменты памятников этой группы: Emam, el-Zaher 2018.

⁵¹ Ladynin 2011; 2020; 2021, 213–215.

⁵² См. эпитет *bik ntr(y) pr m St* («Сокол божественный, вышедший из Исида») в титулатуре Нектанеба II на таком памятнике, происходящем из Таниса: Montet 1959, 59–60; Ladynin 2009, 5.

Александра Великого и Роксаны⁵³. Собственно, мотив, связанный с образом этого божества, ошутим и в титулатуре Птолемея II (Хорово имя — *hwnw qni* «Юноша до-блестный», имя Златого Хора — *shꜥy.n-sw-it.f* «/Тот,/ кого возвел на престол его отец»)⁵⁴. Указанные выше памятники из Северной Саккара принципиальны для нас, поскольку прямо указывают на значимость представления о воплощении в царе сокола-Хора в зоне некрополя священных соколов. При этом на вторую половину царствования Птолемея II может приходиться восстановление почитания «соколов-Нектанебов» в Мемфисе: примерно в это время титул «“слуга бога” Нектанеба» (*hm-ntr Nht-Hr-Hbyt*) носит Хонсу-иу, сын мемфисского верховного жреца Несисти Петубаста (согласно его стеле BM EA 375), а аналогичный титул «“слуга бога” Нектанеба-сокола» (*hm-ntr Nht-Hr-Hbyt p3 bik*) — другой его сын Анемхор (согласно стеле Wien 153)⁵⁵. Думается, что с известной осторожностью можно допустить происхождение изученных нами масок соколов из этого некрополя и предположить, что они и были призваны выявить присутствие в Птолемея II Хора, проявлениями которого и считались эти священные птицы⁵⁶. Практика использования таких масок могла быть ограниченной и не закрепиться, чем и объясняется отсутствие их аналогов; однако ее появление было бы достаточно ожидаемо в ситуации царствования Птолемея II — по сути дела, первого, которое полностью пришлось на уже стабильное существование эллинистической государственности в Египте и закономерно вызвало ряд идеологических новаций, призванных укрепить позиции македонской династии⁵⁷.

В заключение мы воспользуемся поводом, который дает интерпретация масок из египетского собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина и выскажем некоторые замечания об истоках того стандарта царских изображений IV—III вв. до н.э., который они представляют, и о его идеологическом значении. В свое время К. Мышлевиц связал царские изображения V и IV в. до н.э. в целом с традицией XXVI династии, а этот идеализированный стандарт — с тенденциями ее конца⁵⁸; как мы уже отмечали, Дж. Джозефсон даже указал в качестве ближайшего аналога этого стандарта конкретный памятник царствования Априя. В то же время Дж. Бэйнс и Кр. Риггс на основе сравнения уже упоминавшегося фрагмента BM EA 941 и статуи Джосера из сердаба его пирамиды, а М.А. Штадлер — сопоставляя особенности *немесов* на

⁵³ Хорово имя *hwnw wsr-phity* «Юноша, могучий мощью» или в более кратком варианте просто *hwnw* «Юноша»; имя Обоих Владычиц *mry-ntrw rdi-n.f-i3wt-n-it.f* «Возлюбленный богами, которому передан сан отца его»: von Beckerath 1999, 232–233; Blöbaum 2006, 426; см. Ladynin 2013b, 119–120; 2021, 213–214.

⁵⁴ von Beckerath 1999, 234–235.

⁵⁵ Gorre 2009b, 285–286, 297–304.

⁵⁶ Kessler 1989, 117.

⁵⁷ В качестве примеров такого рода можно назвать совершенствование династического культа и в особенности широкое распространение почитания супруги Птолемея II Арсиной II после ее смерти (см. сводки в Hölbl 2001, 92–98, 101–104; Ladynin 2016, 277–280), первые «опыты» создания института «синодов» жрецов египетских храмов (Thiers 1999; Ladynin 2016, 281–282), «вписывание» македонского времени в общую последовательность этапов египетской истории в труде Манефона Севенитского (Ladynin 2017, 19–74, 114–125). О разных аспектах царствования Птолемея II Филадельфа см. McKechnie, Guillaume 2008.

⁵⁸ Myśliwiec 1988, 83.

статуях IV—III вв. до н.э. и эпохи Древнего царства, пришли к выводу о гораздо более архаизирующих прототипах этого стандарта⁵⁹. Как нам представляется, достаточно важным аспектом данной проблемы является выяснение того, зачем идеологам последних египетских династий IV в. до н.э. вообще понадобилось поддерживать в царской иконографии этот деиндивидуализирующий стандарт. Общепринятое объяснение этого сводится к необходимости демонстрировать преемственность династий IV в. до н.э., а затем и Птолемеев по отношению к прежним царским домам, однако все же ориентация на древность совсем не обязательно должна была предполагать деиндивидуализацию царских изображений.

Рис. 14. Фрагмент царской статуи Cairo JE 67345 (по: Aldred 1970, 32, fig. 5)

Думается, что эта их черта может быть связана с утверждением в идеологии последних египетских династий уже упомянутой выше концепции «деривативной сакральности» царей: коль скоро их сакральный статус и связанная с этим способность поддерживать миропорядок ритуалом зависят от воплощения в них божества, достаточно логично, что оно и могло бы придавать царям некий «унифицированный» облик, иконографический прототип которого было естественно искать в памятниках царей древности, чья сакральность не вызывала сомнений.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на казус с интерпретацией фрагмента царской статуи Cairo JE 67345 (рис. 14): изначально он был отнесен к IV—III вв. до н.э. (с предположительной атрибуцией Акорису)⁶⁰, однако более внимательное исследование позволило датировать его началом Среднего царства и предположить, что он изображает Ментухотепа III, или Сенусерта I⁶¹, либо Аменемхета I⁶². Думается, что памятники царей XI — начала XII династий, к которым относится это изображение и которым свойственно определенное единство в передаче очертаний тела и черт лица⁶³, заслуживают обсуждения в качестве одного из прототипов иконографического стандарта IV—III вв. до н.э. (в частности, в связи с этим к уже упомянутому памятнику можно было бы добавить фрагмент статуи Аменемхета I Cairo JE 60520⁶⁴ и сирийский колосс Сенусерта I из Карнака Cairo JE 38286⁶⁵). Объяснить апелляцию к этому этапу развития царской скульптуры было бы

⁵⁹ Baines, Riggs 2001; Stadler 2014.

⁶⁰ Bisson de la Roque 1940, 73; Schweitzer 1952, 129—131, pl. II.

⁶¹ Aldred 1970, 32, fig. 5, 33—34; см. в целом оценку полемики вокруг этого памятника в Josephson 1997, 18, n. 124.

⁶² Lorand 2011, 33, fig. 3; 2016, 92, 94, fig. 7.

⁶³ Lorand 2016, 88.

⁶⁴ Aldred 1970, 35—36, fig. 13.

⁶⁵ Lorand 2011, 37, fig. 6.

достаточно просто: по-видимому, в идеологии IV в. до н.э. достаточно значительную роль должны были играть реминисценции Сенусерта I как царя-строителя, повторителем деяний которого, принявшим такое же солнечное имя *Hpr-k3-R^c*, представал основатель XXX династии Нектанеб I⁶⁶. Наше суждение об этом носит предварительный характер, но, как нам кажется, заслуживает дальнейшей разработки.

Литература / References

- Aldred, C. 1970: Some Royal Portraits of the Middle Kingdom in Ancient Egypt. *Metropolitan Museum Journal* 3, 27–50.
- Baines, J., Riggs, Chr. 2001: Archaism and Kingship: A Late Royal Statue and Its Early Dynastic Model. *Journal of Egyptian Archaeology* 81, 103–118.
- Beck, H., Bol, P., Bückling, M. (Hrsg.) 2005: *Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städtisches Kunstinstitut und Städtische Galerie*, 26. November 2005–26. Februar 2006. Frankfurt am Main.
- Beckerath, J. von. 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. (Münchner ägyptologische Studien, 49). 2. Aufl. München.
- Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 2004: *Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina. Katalog [The Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue]*. Moscow.
- Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. *Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Каталог*. М.
- Bianchi, R.S. 2018: "Portrait" Sculpture in Ptolemaic Egypt. In: J. Spier, T. Potts, S.E. Cole (eds.), *Beyond the Nile. Egypt and the Classical World*. Los Angeles, 141–147.
- Bisson de la Roque, F. 1940: Tôd: fouilles antérieures à 1938. *Revue d'égyptologie* 4, 67–74.
- Blöbaum, A.I. 2006: "Denn ich bin ein König, der die Maat liebt": Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Eine vergleichende Untersuchung der Phraseologie in den offiziellen Königsinschriften vom Beginn der 25. Dynastie bis zum Ende der makedonischen Herrschaft. (Aegyptiaca Monasteriensia, 4). Aachen.
- Bol, P.C. 2001: Alexander der Große als Pharao im Liebieghaus in Frankfurt am Main. *Antike Welt* 32/1, 65–69.
- Bolshakov, A.O. 2000: [Ancient Egyptian Royal Sculpture and "Horus Name"]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 73–87.
- Большаков, А.О. Древнеегипетская скульптура и «хорово имя». *ВДИ* 2, 73–87.
- Bothmer, B. 1969: *Egyptian Sculpture of the Late Period, 700 B.C. to A.D. 100*. New York.
- Cafici, G. 2021: *The Egyptian Elite as Roman Citizens. Looking at Ptolemaic Private Portraiture*. (Harvard Egyptological Studies, 14). Leiden.
- Centrone, M.C. 2009: *Egyptian Corn-Mummies: A Class of Religious Artefacts Catalogued and Systematically Analysed*. Saarbrücken.
- Collier, S. 1996: *The Crowns of Pharaoh: Their Development and Significance in Ancient Egyptian Kingship*. PhD thesis. Ann Arbor.
- Davies, S., Smith, H.S. 2005: *The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara: The Falcon Complex and Catacomb. The Archaeological Report*. London.
- Demskaya, A.A., Khodzhash, S.I., Berlev, O.D., Kachalina, G.I., Yakovleva, E.M., Smirnova, L.M. (eds.) 1987: *Vydayushchiysya russkiy vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kolleksii v Muzei izyashchnykh iskusstv (1909–1912) [Outstanding Russian Orientalist V.S. Golenishcheff and the Acquisition of His Collection for the Museum of Fine Arts (1909–1912)]*. Moscow.
- Демская, А.А., Ходжаш, С.И., Берлев, О.Д., Качалина, Г.И., Яковлева, Е.М., Смирнова, Л.М. (сост.). *Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912)*. (Из архива ГМИИ, 3). М.
- Diener, L. 1973: A Human-Masked and Doll-Shaped Hawk-Mummy. *Chronique d'Égypte* 48 (95), 60–65.
- Emam, M.A., el-Zaher, E.A. 2018: New Fragments of "Nectanebo the Falcon" from the Temple of Behbeit el-Hagar. *Near Eastern Archaeology* 81/4, 239–243.

⁶⁶ Ladynin 2017, 193–205; см. также в целом разделы части 2 этой монографии.

- Gorre, G. 2009a: “Nectanébo-le-faucon” et la dynastie lagide. *Ancient Society* 39, 55–69.
- Gorre, G. 2009b: *Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées*. (Studia hellenistica, 45). Leuven.
- Griffiths, J.G. 1982: Osiris. In: W. Helck, E. Otto, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. IV. *Megiddo—Pyramiden*. Wiesbaden, 623–633.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London—New York.
- Ikram, S. 2007: Tiermumien im Alten Ägypten. In: D. von Recklinghausen, R. Germer (Hrsg.), *Ägyptische Mumien, Unsterblichkeit im Land der Pharaonen*. Mainz am Rhein, 275–285.
- Ikram, S. 2012: An Eternal Aviary: Bird Mummies from Ancient Egypt. In: R. Bailleul-LeSuer (ed.), *Between Heaven and Earth: Birds in Ancient Egypt*. (Oriental Institute Museum Publications, 35). Chicago, 41–48.
- Josephson, J.A. 1997: *Egyptian Royal Sculpture of the Late Period 400–246 B.C.* (Deutsches Archäologisches Institut, Abt. Kairo. Sonderschrift, 30). Mainz.
- Kessler, D. 1989: *Die heiligen Tiere und der König*. Teil I. *Beiträge zu Organisation, Kult und Theologie der spätzeitlichen Tierfriedhöfe*. (Ägypten und Altes Testament, 16). Wiesbaden.
- Kyrieleis, H. 1975: *Bildnisse der Ptolemäer*. (Archäologische Forschungen, 2). Berlin.
- Ladynin, I.A. 2009: “Nectanebos-the-Falcons”: Sculpture Images of Nectanebo II before the God Horus and Their Concept. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–26.
- Ладынин, И.А. «Соколы-Нектанебы»: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция. *ВДИ* 4, 3–26.
- Ladynin, I.A. 2011: [“King on the Way of God”: On the Principles of Assessing the Royal Activities in Egyptian Ideology of the Fourth–Third Centuries B.C.]. In: A.O. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2009–2010: pamyati S.I. Hoddzhash. Pamyati A.S. Chetverukhina. Doklady [St. Petersburg Egyptological Readings 2009–2010. In Commemoration of S.I. Hodjash. In commemoration of A.S. Chetrevukhin. Papers of the Conference]*. Saint Petersburg, 139–169.
- Ладынин, И.А. «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н.э. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2009–2010. Памяти С.И. Ходжаши. Памяти А.С. Четверухина. Доклады*. (Труды Государственного Эрмитажа, 55). СПб., 139–169.
- Ladynin, I.A. 2013a: Late Dynastic Period. In: W. Wendrich, J. Dieleman, E. Frood, W. Grajetzki, J. Baines (eds.), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. Los Angeles. URL: <https://escholarship.org/uc/item/2zg136m8>; accessed on: 29.01.2023.
- Ladynin, I.A. 2013b: [Notes on the Egyptian “Protocol” of the Argeadai Kings]. In: A.O. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2011–2012: pamyati E.S. Bogoslovskogo. Doklady [St. Petersburg Egyptological Readings 2011–2012: In Commemoration of E.S. Bogoslovski. On the Occasion of his 70th Birthday. Papers of the Conference]*. Saint Petersburg, 116–131.
- Ладынин, И.А. Замечания о египетском «протоколе» царей династии Аргеадов. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2011–2012: памяти Е.С. Богословского. Доклады*. (Труды Государственного Эрмитажа, 56). СПб., 116–131.
- Ladynin, I.A. 2016: [The Dynastic Cult and the Eponymous Priesthood of the Ptolemies]. In: S. Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *«Bogi sredi lyudey»: Kul't praviteley v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire [“Gods among Men”: The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World]*. Moscow—Saint Petersburg, 265–312.
- Ладынин, И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 82; Серия II: Исторические исследования, 39). М.— СПб., 265–312.
- Ladynin, I.A. 2017: *«Snova pravil Egipet!» Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsiyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy [“Egypt Rules Again!” The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda]*. Moscow—Saint Petersburg.
- Ладынин, И.А. «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 84, Серия II: Исторические исследования, 40). М.— СПб.
- Ladynin, I.A. 2020: Udjahorresnet and the Royal Name of Cambyses: The “Derivative Sacrality” of Achaemenids in Egypt. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections* 26, 88–99.

- Ladynin, I.A. 2021: [A Sculpture Head of Ptolemy V from the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts and the Problem of “Egyptianization” of the Ptolemaic Kingship in the Late 3rd and the Early 2nd Centuries B.C.]. *Vostok [The East (Oriens)]* 2, 206–220.
- Ладынин, И.А. Голова статуи Птолемея V из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина и проблема египтизации царской власти Птолемея в конце III – начале II вв. до н.э. *Восток (Oriens)* 2, 206–220.
- Liepsner, T.F. 1982: Modelle. In: W. Helck, E. Otto, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. IV. *Megiddo–Pyramiden*. Wiesbaden, 168–180.
- Lorand, D. 2011: La statuaire royale de Sésostris Ier. Art et politique au début de la XIIe dynastie. *Bulletin de la société française d'égyptologie* 180, 23–43.
- Lorand, D. 2016: Did the “Reunification Style” Affect the Production of Middle Kingdom Royal Statuary? In: L. Hudáková, P. Jánosi, A. Kahlbacher (eds.), *Change and Innovation in Middle Kingdom Art*. (Middle Kingdom Studies, 4). London, 83–94.
- McKechnie, P., Guillaume, Ph. 2008: *Ptolemy II Philadelphus and His World*. (Mnemosyne. Supplements. History and Archaeology of Classical Antiquity, 300). Leiden.
- Montet, P. 1959: Inscriptions de Basse Époque trouvées à Tanis. *Kêmi: revue de philologie et d'archéologie égyptiennes et coptes* 15, 42–64.
- Myśliwiec, K. 1988: *Royal Portraiture of the Dynasties XXI–XXX*. Mainz.
- Pavlov, V.V. 1957: *Skulpturnyy portret drevnego Egipta [The Sculpture Portrait of Ancient Egypt]*. Moscow.
- Павлов, В.В. *Скульптурный портрет древнего Египта*. М.
- Raven, M.J. 1982: Corn-Mummies. *Oudheidkundige mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden* 63, 7–38.
- Schäfer, D. 2007: Alexander der Große. Pharaon und Priester. In: St. Pfeiffer (Hrsg.), *Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz*. (Oikumene. Studien zur antiken Weltgeschichte, 3). Frankfurt am Main, 54–74.
- Schweitzer, U. 1952: Ein spätzeitlicher Königskopf in Basel. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 50, 119–132.
- Scott, D.A., Dodd, L.S. 2002: Examination, Conservation and Analysis of a Gilded Egyptian Bronze Osiris. *Journal of Cultural Heritage* 3/4, 333–345.
- Seipel, W. 2015: *Ägypten – Die letzten Pharaonen: Von Alexander dem Großen bis Kleopatra*. Regensburg.
- Smith, M. 2017: *Following Osiris: Perspectives on the Osirian Afterlife from Four Millennia*. Oxford–New York.
- Stadler, M.A. 2014: «Ach, das ist gestreift!» – Anmerkungen zur ägyptischen Königsplastik im 4. und 3. Jahrhundert v. Chr. In: S.L. Lippert, M.A. Stadler (Hrsg.), *Gehilfe des Thot. Festschrift für Karl-Theodor Zaunich zu seinem 75. Geburtstag*. Wiesbaden, 105–127.
- Stanwick, P.E. 2002: *Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaohs*. Austin.
- Thiers, Chr. 1999: Ptolémée Philadelphie et les prêtres de Saïs: La stèle de Codex Ursinianus, fol. 6 r° + Naples 1034 + Louvre C.123. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 99, 423–445.
- Volokhine, Y. 2019: Barbe et barbus en Égypte ancienne. In: Y. Volokhine, B. Fudge, Th. Herzog (éd.), *Barbe et barbus: symboliques, rites et pratiques du port de la barbe dans le Proche-Orient ancien et moderne*. Bern, 59–87.
- Walker, S., Higgs, P. 2001: *Cleopatra of Egypt. From History to Myth*. London–Princeton.